

П. Д. Боборыкин. — «За полвека». (Мои воспоминания) Редакция, предисловие и примечания Б. П. Козьмина. «Земля и Фабрика» 1929 г. Стр. 383. Цена 3 р. 85 к.

Автор предисловия прав, говоря, что недостатки Боборыкина-беллетриста (бледность темперамента, слабость фантазии, протокольность описаний) являются достоинствами его, как мемуариста. По свойствам своей писательской натуры это был, повидимому, природженный летописец, и лишь господствовавший в его время культ беллетристики, и в частности романа, увлек его на этот, оказавшийся для него не очень славным путь.

Тех читателей, которые и к мемуарам относятся беллетристически, т. е. ищут в них прежде всего острого и занимательного чтения, воспоминания Боборыкина несколько разочаруют: написанные ровно и спокойно, обремененные подчас утомительными подробностями, они не грешат привязанностью к красному словцу и к анекдоту ради анекдота.

Зато, рассчитанные исключительно на сообщение, они тем ценнее в глазах того читателя, для которого мемуары прежде всего — исторический источник. В этом смысле непритязательные и не мудрствующие лукаво «воспоминания» Боборыкина добросовестны настолько, что ими, кажется, можно поверять другие, менее надежные мемуары, относящиеся к той же эпохе (Панаевой, Григоровича).

Разумеется, известная деформация материала, как это отмечено в предисловии, имеется и здесь.

Как бы боясь быть заподозренным в классовом характере своих симпатий и антипатий, автор воспоминаний настойчиво подчеркивает в себе «дух независимости», нежелание «поддаваться модному поветрию», и эта реабилитация мрачной и жестокой старины проходит у него как бы под флагом сопротивления шаблонирующей традиции.

Но любопытно, что, став однажды в эту позицию и как бы желая быть верным своей автохарактеристике, наш мемуарист очень часто имеет мужество восставать и против таких «традиций»,

Н. М. 1929. X. 3
которые, казалось, должны были бы вполне удовлетворять его, как умеренного либерала. В результате мемуары Боборыкина, в общем такие мирные и обывательские, во многих своих частях совершенно неожиданно для читателя оказываются разручительными, разоблачительными, набрасывающими тень скепсиса на многие «великие» имена, даты и события..

Например: «Из людей 40-х, 50-х, 60-х годов, сделавших себе имя в либеральном и даже радикально-революционном мире, один только Огарев еще в николаевское время отпустил своих крепостных на волю, хотя и не совсем даром. Этого не сделали ни славянофилы, по-тогдашнему распинавшиеся за народ (ни Самарин, ни Алексеевы, ни Киреевские, ни Кошелев), ни И. С. Тургенев, ни М. Е. Салтыков, жестокий обличитель тогдашних порядков, ни даже К. Д. Кавелин, так много работавший за общину и поднятие крестьянского люда во всех смыслах. Не сделал этого и Лев Толстой. И Герцен, хотя фактически и не стал после смерти отца помещиком (имение его было конфисковано), но как домовладелец (в Париже) и капиталист-рантье не сделал ничего такого, что было бы похоже на дар крестьянам, даже и в роде того, на какой пошел его друг Огарев» (180).

Независимо от фактической достоверности этого выпада (в примечаниях на этот счет нет возражений), он очень характерен для деканонизаторской тенденции нашего мемуариста.

Добрая половина воспоминаний (гимназические и студенческие годы), по уверению самого автора, совпадает по материалу с автобиографическим его романом «В путь дорогу», что должно заинтересовать литературоведов-формалистов, интересующихся проблемой беллетристического оформления реального материала.

Написанные очень просто и стилистически бесхитростно мемуары Боборыкина, как и его беллетристика, не являются в целом произведением высокого искусства. Тем не менее на их страницах попадаются иногда хорошо сделанные литературные портреты, особенно блестящая и великолепная по

своей выпуклости характеристика Писемского (на 10 страницах), без которой впредь не сможет обойтись ни одна монография об этом своеобразном писателе и человеке.

В заключение, чтобы не оставлять в заблуждении покупателя книги, необходимо его предупредить, что заманчивое заглавие: «За полвека» ровно в пять раз шире того хронологического отрезка, который в ней дан, ибо, как сказано в предисловии, основной «мемуарный труд Боборыкина... остался далеко не доведенным до конца», охватывая «приблизительно лишь первые десять лет того пятидесятилетия, рассказать о котором намеревался Боборыкин» (доведен до 1865 г.—Н. П.).

Н. Прянишников.

Ю. Мархлевский. — «Литературные наброски». Письма из Японии. Гиз. 1929 г. Стр. 111. Ц. 60 к.

Небольшой сборник, содержащий в себе литературные наброски Ю. Мархлевского и его письма к дочери из Японии, — вернее, из оккупированной японцами Манчжурии, — имеют для нас прежде всего историческое значение. Собранные в нем отрывки и письма тесно связаны с отдельными звеньями революционной деятельности Ю. Мархлевского. Одна лишь литературная оценка таких этюдов, как «Мадэ», «Новый год в цитадели», «1 мая в Варшаве», — явно недостаточна. Они могут быть поняты только в плане той упорной борьбы, которую вел на протяжении 40 лет этот выдающийся революционер. Отсюда не следует, что сборник лишен художественных достоинств. Он прежде всего согрет подлинным творческим жаром, в нем и до сих пор явно ощущается биение большого революционного сердца. Но литературные наброски Ю. Мархлевского приобретают для нас особый смысл, если мы вспомним, что и «Мадэ» и «Новый год в цитадели» — образчики художественно-агитационной литературы, что появились они больше трех десятилетий тому назад в массовой социал-демократической печати и были обращены непосредственно к широкой рабочей аудитории.

Ю. Мархлевский, сын разорившегося польского негодяя, с гимназической

скамьи ушел на производство. На смежную родным привилегиям просторам пришла гнетущая обстановка старой фабрики. Юноша Мархлевский поступил на одну из варшавских фабрик в качестве рабочего-красильщика. Работа на предприятии была тесно связана с первыми опытами профессионала-революционера. Фабричный труд в чрезвычайно тяжелых условиях — работать приходилось по 12 час. в сутки в атмосфере, отравленной ядовитыми испарениями — нашел свое отражение в наброске «Мадэ», в таком искреннем и волнующе простом.

Старик «Мадэ — отработанный пар» на производстве. Фабрика взяла у него все, что могла взять. Его удел — в стужу и зной по 13 час. в сутки приводить в движение рычаг водокачки. Он качает без усталости воду. И в монотонном скрипе рычага «Мадэ» слышит зловещее напоминание — «пропадешь»... Инвалид Мадэ не нужен больше фабрике, и старик становится мусорщиком. Вместе с другими отверженными старик Мадэ выброшен на свалку за пределы городской черты. Сценка «Мадэ» впервые появилась в 1893 г. в «Рабочем деле», в органе польской социал-демократии.

«Новый год в цитадели» и «1 мая в Варшаве» возникли из опыта партийной работы в 1889—91 гг. Ю. Мархлевский являлся одним из организаторов «союза польских рабочих». Целью союза было — массовая борьба за политические права. Первое празднование майского дня в Польше, первая майская стачка, широко прокатившаяся по предприятиям Варшавы и Лодзи, была проведена при ближайшем руководстве и участии союза. Живой набросок «1 мая в Варшаве» не без юмора воспроизводит треволнения неискусшенных в своем деле подпольщиков, занятых печатанием и распространением первомайских воззваний.

Вскоре Мархлевскому пришлось познаться с 10-м павильоном варшавской цитадели. Волнующий, несмотря на свою тридцатилетнюю давность, этюд «Новый год в цитадели» связан с 11-месячным заточением, последовавшим за событиями 1 мая.